

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Дорогой ценой

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Гем)5-4
В35

Вернер Э.

В35 Дорогой ценой / Э. Вернер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 320 с. — (Любовь глазами Элизабет Вернер).

ISBN 978-5-521-77820-1

Нежная и страстная любовь юноши или потрясающая сила чувства человека зрелого, властного, сурового — что покорит сердце молодой очаровательной девушки?.. Но на чьей стороне ни будет читатель, в романе «Дорогой ценой» ему предстоит с захватывающим интересом следить за всеми перипетиями отношений и чувств героев, горячо сопереживая им.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77820-1

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава I

Под ярким летним солнцем широко распростерлась зеркальная гладь озера, в которой картинно отражался живописно раскинувшийся на его берегу город. Далеко на горизонте на фоне голубого неба четко рисовались покрытые снегом зубчатые вершины гор.

Среди вилл и садов предместья скромно приютилась небольшая дачка — одноэтажный домик, скромный снаружи и, по-видимому, не скрывающий и в своих стенах особенной роскоши. Единственным его украшением была открытая веранда, вся увитая побегами дикого винограда; тем не менее благодаря светлым стенам и зеленым жалюзи на окнах домик выглядел очень милым и приветливым.

Вдоль веранды, защищенные от жарких солнечных лучей ее тенью, оживленно беседуя, прохаживались двое мужчин. Старшему было лет пятьдесят, но он казался рано состарившимся, — спина его сутулилась и волосы совершенно поседел. Глубокие морщины на лице свидетельствовали о борьбе и, может быть, о страданиях, перенесенных этим человеком, а резкая, не то горькая, не то саркастическая складка у тонких губ придавала его лицу почти отталкивающее выражение. Только в глазах мужчины еще блестел огонь, который не могли потушить ни годы, ни испытания.

Собеседник его, стройный, среднего роста человек с привлекательными чертами лица и серьезным взглядом голубых глаз, был еще молод. На его высокий чистый лоб падали светло-каштановые волосы, легкая бледность лица не имела в себе ничего болезненного, а лишь указывала на напряженную умственную работу. Лицо молодого человека выражало спокойную твердость, весьма редко встречающуюся в двадцатисеми-двадцативосьмилетнем возрасте.

— Итак, Георг, вы уже хотите покинуть нас? — спросил старший, и в его голосе послышалось сожаление.

— Уже? — усмехнулся молодой человек. — По-моему, господин доктор, я и так слишком долго злоупотреблял вашим гостеприимством. Я никак не думал пробывать у вас несколько недель; но вы приняли меня, чужого человека, связанного лишь университетской дружбой с вашим сыном, как близкого, любимого человека. Такой сердечности я никогда...

— Только без благодарностей за то, что мне самому доставило большое удовольствие! — прервал доктор. — Боюсь лишь, как бы вам не пришлось раскаяться. Едва ли ассессору Винтерфельду легко простят то, что он остановился у нас. Вы помните, я предупреждал вас, что пребывание в моем доме может повредить всей вашей карьере.

Это предостережение, произнесенное ироническим тоном, заставило молодого Винтерфельда слегка покраснеть, и он с живостью ответил:

— Мне кажется, я уже имел случай доказать вам, что сумею оградить свою самостоятельность при любых обстоятельствах. Надеюсь, мое положение не обязывает меня избегать дружеских отношений совершенно частного характера.

— А я убежден в совершенно противоположном, — возразил доктор. — Впрочем, это выяснится по вашему возвращении. Не забывайте, Георг, что вы работаете под начальством Равена.

— Не думаю, чтобы мой начальник заботился о том, как его чиновники проводят свой отпуск, — спокойно заметил

Георг. — Правда, он неумолимо строг в отношении всего, что касается службы, но никогда не вмешивается в частную жизнь своих подчиненных. Хотя я и не принадлежу к числу друзей господина Равена, однако должен отдать ему справедливость. Вам ведь известно, что я решительный противник представляемого им направления, а следовательно, и его личный противник, хотя в качестве подчиненного пока еще осужден на молчаливое повиновение.

— Пока еще? Уверяю вас, Равен еще долго будет принуждать вас к такому повиновению и, если вы не проявите желания постичь его науку, постарается придавить и уничтожить вас. Таков стиль всех презренных выскочек.

Георг серьезно покачал головой.

— Вы преувеличиваете. У барона много врагов, и, я думаю, немало людей в тайне питают к нему неприязнь и даже ненависть, но презирать его, вероятно, никто еще не осмелился.

— Тем не менее я делаю это, — горячо воскликнул доктор, — и имею для того достаточно оснований.

Молодой человек молча взглянул на него, а затем сказал:

— Господин Бруннов, простите мне, может быть, нескромный вопрос: что произошло между вами и моим начальником? Услышав только его имя, вы проявляете такое горькое раздражение, которое едва ли вызвано лишь разногласием в политических убеждениях. Вы хорошо знаете его?

— Когда-то в молодости мы были друзьями, — глухо проговорил Бруннов.

— Как? — воскликнул Георг. — Вы и...

— Его превосходительство барон Арно фон Равен, губернатор Р-ской провинции, любимец теперешнего правительства, — закончил доктор, с резкой насмешкой подчеркивая свои слова. — Не правда ли, это удивляет вас?

— Разумеется; я не подозревал ничего подобного.

— С тех пор прошло более четверти века. Тогда его звали просто Арно Равен, и он был также беден и неизвестен, как и я сам. Мы учились в бурное, полное волнений время, и нас

лизила принадлежность к одной и той же партии. Равен, обладавший недюжинным умом, блестящими способностями и неутомимой энергией, вскоре стал нашим вождем; мы со слепым доверием следовали за ним, в особенности я, потому что я любил его, как никого на свете. Он был моим кумиром, на который я взирал с восторженным благоговением, моим идеалом, словом — всем... До того дня, когда он предал меня и нас всех, пожертвовал честью ради честолюбия и продался душой и телом нашим врагам, ценой нашей гибели купив блага себе... Умники, никогда не испытывавшие разочарования, ни разу не пережившие минут отчаяния, называют меня человеконенавистником. Но если это и так, то я сделался им с того самого дня, когда вместе с другом потерял и веру в людей.

Доктор стремительно отвернулся; видно было, как бушевала кровь в этом человеке при одном воспоминании о прошлом.

— Следовательно, слухи о том, что в прошлом барона есть какое-то темное пятно, не безосновательны? — тихо заметил Георг. — Мне не раз случалось слышать подобные намеки, но история не получила огласки, и в Равене все видят энергичного, неумолимого представителя власти.

— Ренегаты всегда становятся самыми беспощадными преследователями покинутой веры, — мрачно произнес Бруннов, — а Арно Равен всю жизнь отличался каким-то роковым, пламенным, всепожирающим честолюбием. Оно, собственно, было двигателем всех его поступков. Он с ранних лет мечтал о власти и величии, жаждал господствовать, повелевать, и это его желание теперь исполнилось. Карьера Равена почти беспримерна. Из тьмы и бедности он, ступенька за ступенькой, поднимался от отличия к отличию. Он стал зятем министра, любимцем которого был уже давно, добился баронского звания и теперь управляет одной из наиболее важных провинций страны. Он поднялся на высоту, о которой некогда только мечтал.

Однако меня, попавшего благодаря ему в тюрьму и ссылку, проводшего жизнь, полную разочарований, и на пороге старости вынужденного вести борьбу за существование, — меня не обманет его величие. Оно стоило Равену чести.

Бруннов оборвал свою речь и прошелся несколько раз взад и вперед, чтобы овладеть собой. Наконец он опять подошел к Георгу и снова начал:

— Я много лет не касался этой темы, но с вами хочу быть откровенным. Вы не принадлежите к тем людям, в которых, как в слепых и покорных орудиях, так нуждается Равен и которых он только и терпит возле себя. Поэтому, я думаю, наступит час, когда вам придется отказать ему в повиновении, если вы захотите отстоять свои убеждения и свою честь. Будьте тверды, Георг! В том противоречивом чувстве, которое вы питаете к этому человеку, звучит удивление перед ним, и это мне слишком хорошо понятно. Равен всегда обладал какой-то демонической властью над всеми, кто соприкасался с ним; вы тоже не можете совершенно избежать ее, потому я и счел нужным выяснить вам все о Равене. Теперь вы знаете, кто он такой...

— Так я и думал! Они опять увлеклись политикой или своими обычными бесконечными дебатами! — раздался голос позади них. — Я ищу тебя, Георг, по всему дому... Здравствуй, отец!

Молодой человек, подошедший к ним с этими словами, был несколько моложе Георга, но выше и плотнее, а его свежее открытое лицо, ясный взор и густые белокурые волосы были очень привлекательны. Пытливо взглянув на раскрасневшееся лицо доктора, он продолжал:

— Тебе не следует так горячиться в разговоре, отец. Ведь ты знаешь, как вредно это действует на тебя! Да кроме того, я вижу, ты слишком напряженно работал сегодня.

Он подошел к стоявшему на веранде столу, заваленному книгами и бумагами, и начал перелистывать рукописи.

— Оставь, Макс! — нетерпеливо сказал доктор. — Вместо того чтобы заняться глубокий научным исследованием, ты только производишь беспорядок в рукописях.

— Потому что у меня нет времени на эти исследования. Молодой врач, больничный ассистент, не может позволить себе целыми днями корпеть над книгами. Ты же знаешь, что я по горло завален работой.

— Время нашлось бы, недостает лишь охоты!

— Пусть будет так — недостает охоты. Я предпочитаю врачебную практику и полагаю, что с ее помощью пойду не менее далеко.

— Разумеется, не дальше, чем влечет тебя твое честолюбие, — с нескрываемым пренебрежением в голосе отозвался старик Бруннов. — Во всяком случае ты приобретешь обширную практику и будешь смотреть на свое призвание, как на прибыльное ремесло.

Макс, явно борясь с поднимавшимся в нем раздражением, тем не менее спокойно возразил:

— Разумеется, я постараюсь возможно скорее создать себе свою собственную практику. Ты мог сделать это уже двадцать лет назад, но предпочитаешь писать медицинские труды, которые кроме грошового гонорара в лучшем случае доставляют тебе известность в узком кругу специалистов. Вкусы различны.

— Так же различны, как и наши взгляды на жизнь вообще. Тебе ведь неизвестно, что значит жить ради науки и приносить себя в жертву ей.

— Я ни для чего не хочу жертвовать собой, — упрямо заявил Макс. — Я добросовестно исполняю свой профессиональный долг и считаю это вполне достаточным. Ты, отец, любишь бесцельное самопожертвование, я — нет.

— Оставьте, господин доктор, этого неисправимого реалиста! — вмешался в их спор Георг. — Я уже давно отказался от мысли обратить его на путь истинный. А теперь не станем ме-

шать вам больше. Макс еще утром обещал пойти со мной в рощу на прогулку.

— Теперь, в обеденное время? — удивился доктор. — Почему не позже?

На лице молодого Винтерфельда отразилось легкое смущение.

— Потом придется заняться сборами в дорогу, а мне хочется еще раз насладиться видом озера и гор. Разлука с ними будет для меня тяжела.

— Охотно верю! — со странным, почти злым выражением подчеркивая слова, заметил Макс, но тотчас умолк, заметив сердитый и в то же время простительный взгляд своего друга.

Бруннов, видимо, не придал этому обмену словами и взглядами важного значения и, кивнув на прощанье, отправился к своему рабочему столу. Молодые люди сошли в сад; Макс отворил калитку, и они зашагали вдоль берега озера.

Несколько времени дружба молча шли вперед. Георг казался серьезным и сосредоточенным, молодой врач был явно в дурном расположении духа, равным образом вызванном как недавним разговором с отцом, так и близким отъездом друга.

— Итак, это — последний день твоего пребывания здесь, — наконец произнес он. — Да, впрочем, что мне в том, как и во всем твоём посещении? Полдня ты декларируешь с моим отцом взгляды на положение вещей в нашем любезном отечестве вообще и о диктаторской власти Равена в частности; когда же мне посчастливится отвлечь тебя от политики, ты злоупотребляешь моей дружбой, заставляя меня в полдень, при двадцати четырех градусах жары по Реомюру [*Тридцать градусов по Цельсию*], стоять на часах... Нечего сказать, приятный гость!

— Что за выражение! — попрекнул его Георг. — Я лишь просил тебя...

— Позаботиться о том, чтобы никто не помешал твоей — разумеется, совершенно случайной — встрече с баронессой

рднер. По-моему, это и значит «стоять на часах». Сколько же таких «случайных» встреч у вас уже, собственно, было с моим участием и без него? Берегитесь, как бы мамаша не проследила эти совместные прогулки!

— Ты ведь знаешь, что мой отпуск кончается и что завтра мне нужно ехать, — коротко ответил Георг.

— И потому сегодня свидание продлится особенно долго! — вздохнул Макс. — Прости, Георг, вам, понятно, очень интересно, когда при солнце ли, при луне и звездах вы клянетесь в верности друг другу, но для непричастного человека это крайне скучно, особенно при сегодняшней температуре.

Между тем молодые люди достигли группы каштановых деревьев, покрывающих своей тенью лужайку на берегу озера — излюбленное место прогулок горожан. Отсюда открывался великолепный вид на озеро и горы во всей их красоте. В этот знойный полуденный час уединенный уголок был совершенно пуст.

Георг опередил своего друга и стал выжидательно осматриваться кругом — никого не было. Макс медленно брел за ним. Наконец он подошел к могучему каштану, вздымавшемуся на самом выгодном для обозрения ландшафта месте, и опустился на дерн. Он расположился поудобнее и не то с насмешкой, не то с состраданием стал наблюдать за своим другом, обнаружившим почти лихорадочное беспокойство.

— Скажи, пожалуйста, Георг, что, собственно, может выйти из твоего романа? — снова начал Макс после продолжительного молчания.

— Я уже не раз просил тебя не говорить об этом в таком тоне!

— Разве я недостаточно деликатно выразился? По-моему, в твоей любви немало романтического. Молодой чиновник мещанского происхождения, без всяких средств, и высокорожденная баронесса и будущая наследница... тайные свидания, неизбежный протест всей семьи... борьба и волнения без